КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 6

МОСКВА,
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1909

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: Л. С. Бакстомъ, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1) Городище восточныхъ славянъ, *Н. К. Рериха.*
2) Торгъ у восточныхъ славянъ, *В. М. Васнецова.*
3) Варяги, *В. М. Васнецова.*
4) Христіанство и язычество, *С. В. Иванова.*
5) Судъ во времена Русской Правды (X—XII вв.), *И. Я. Билибина.*
6) Вѣче, *А. М. Васнецова.*
7) Съѣздъ князей, *И. Я. Билибина.*

II. Суздальская Русь.

8) Новгородскій торгъ, *А. М. Васнецова.*
9) Баскаки, *С. В. Иванова.*
10) Дворъ удѣльнаго князя (XIII—XIV вв.), *А. М. Васнецова.*

III. Московская Русь.

11) Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси, *С. В. Иванова.*
12) Святѣйшій патріархъ, *С. В. Иванова.*
13) Боярская Дума (XVI—XVII вв.), *С. В. Иванова.*
14) Земскій Соборъ (XVII в.), *С. В. Иванова.*
15) Въ Приказѣ Московскихъ временъ, *С. В. Иванова.*
16) Судъ въ Московскомъ государствѣ, *С. В. Иванова.*
17) Пріѣздъ воеводы, *С. В. Иванова.*
18) Смотръ служилыхъ людей (XVI—XVII вв.). *С. В. Иванова.*
19) На сторожевой границѣ Московскаго государства, *С. В. Иванова.*
20) Стрѣльцы, *С. В. Иванова.*
21) Юрьевъ день, *С. В. Иванова.*
22) Площадь въ городѣ Московскихъ временъ, *А. М. Васнецова.*
23) Монастырь въ Московской Руси (XIII—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
24) Школа въ Московской Руси, *Б. М. Кустодіева.*
25) Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ (XVI—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
26) Въ смутное время, *С. В. Иванова.*
27) Во времена раскола, *С. В. Иванова.*

IV. Всероссійская Русь.

28) Въ Нѣмецкой слободѣ, *А. Н. Бенуа.*
29) Солдаты Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
30) Флотъ Петра Великаго, *Е. Е. Лансере.*
31) Засѣданіе Сената Петровскихъ временъ, *Д. Н. Кардовскаго.*
32) Постройка канала при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
33) Въ школѣ временъ Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
34) Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
35) Петръ Великій, *В. А. Сѣрова.*
36) Императрица Анна и ея дворъ (1730—1740), *Д. Н. Кардовскаго.*
37) Цесаревна Елизавета у Преображенск. казармъ 25 нояб. 1741 г., *Е. Е. Лансере.*
38) Выходъ императрицы Екатерины II, *А. Н. Бенуа.*
39) Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ, *А. Н. Бенуа.*
40) Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена, *А. Н. Бенуа.*
41) Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII, нач. XIX вѣка, *А. Н. Бенуа.*
42) Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ I (1796—1801), *А. Н. Бенуа.*
43) Въ разоренной Москвѣ (1812 г.), *М. В. Добужинскаго.*
44) Въ военномъ поселеніи, *М. В. Добужинскаго.*
45) Декабристы, *Л. О. Пастернака.*
46) Ученье солдатъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
47) Городъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
48) Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ, *Л. О. Пастернака.*
49) Люди 40-хъ годовъ, *Л. С. Бакста.*
50) Освобожденіе крестьянъ, *Б. М. Кустодіева.*

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

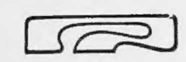
С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 6.

А. М. Васнецовъ. Вѣче.

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1909.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-ВО СКОРОПЕЧ. А.А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР. С.Д.

Вѣче.

На картинѣ изображено вѣче въ одномъ изъ городовъ кіевской Руси, въ Переяславлѣ Южномъ напримѣръ, въ XI в. или въ самомъ началѣ XII в. Вѣчемъ называлась тогда сходка взрослыхъ домохозяевъ, жителей города, для рѣшенія сообща какихъ-либо дѣлъ или случаевъ ихъ городской совмѣстной жизни. Происходило вѣче обыкновенно на площади города, возлѣ соборнаго храма, какъ это видно на картинѣ, гдѣ храмъ изображенъ по тѣмъ намекамъ, какіе находимъ въ лицевомъ, т.-е. иллюстрированномъ, житіи св. Бориса и Глѣба. Налѣво, на заднемъ планѣ городская деревянная стѣна, построенная по земляному валу. Направо, противъ собора «бильница», гдѣ вмѣсто колоколовъ, висятъ «била» — чугунныя и желѣзныя доски разной формы. Звонарь ударами въ нихъ сзываетъ народъ, бѣгущій на вѣче по улицѣ вправо отъ собора. На «степени», особо устроенномъ возвышеніи, ораторъ что-то говоритъ собравшемуся народу, указывая на князя и старшихъ дружинниковъ его, сидящихъ на лавкахъ возлѣ «степени». Кругомъ люди, внимательно, кто соглашаясь, кто недовольный, слушающіе, что говоритъ ораторъ со степени. Справа бѣгутъ запоздавшіе: одинъ тащитъ на спинѣ бочку для того, чтобы, ставъ на нее, лучше все видѣть и слышать, другой бѣжитъ со скамейкой подъ мышкой. Тѣ, кто пришелъ раньше, заполняютъ «сходъ»—покатый помостъ, ведущій на башню. Въ одеждахъ преобладаютъ типичныя для того времени, какъ можно судить по лицевымъ изображеніямъ въ рукописяхъ и на иконахъ, шитыя бѣлыя крубахи, а на головахъ колпаки и шляпы «земли греческой»...

Обычай рѣшать на сходкѣ всѣ общія дѣла—очень древній. Еще когда люди жили отдѣльными родами и племенами, главы отдѣльныхъ

семей и родовъ сходились въ извѣстные дни для разговоровъ сообща относительно дѣлъ, касавшихся всего племени.

Въ IX и X вв. русская земля распадалась на городовыя волости, т.-е. округа. Главный городъ волости назывался старшимъ, или великимъ, а если въ волости были еще города, то они считались младшими и носили названіе пригородовъ. Лѣтопись, разсказывая о государственномъ устройствѣ русской земли тѣхъ временъ, говоритъ, что «изначала» всѣ волости «яко же на думу на вѣча сходятся» и что въ старѣйшемъ городѣ каждой волости постановятъ, «на томъ и пригороди станутъ». Въ X вѣкѣ въ городахъ русской земли утвердились пришлые варяжскіе князья, и тогда государственную власть въ областяхъ русской земли XI—XII вв. стали представлять собой князь и вѣче. Это были двѣ власти, равныя между собой и дѣйствовавшія согласно ради взаимной выгоды. Когда же согласіе нарушилось, то торжествовала та сторона, которая оказывалась сильнѣе: князь, обладавшій сильной дружиной, могъ заставить вѣче подчиниться своей волѣ, сильное своимъ единствомъ, согласіемъ, богатое людьми и деньгами вѣче могло не только заставить князя исполнять то, что ему, вѣчу, желательно, но бывало въ состояніи выгнать изъ своего города князя, «показать ему путь», какъ тогда говорили.

Итакъ, въ Русской землѣ въ XI и XII вв. вѣче правило волостью рядомъ съ княземъ, и, конечно, строгаго раздѣленія власти вѣча и князя не могло существовать въ то время. Люди тогда жили не по писаному закону, а по обычаю, одинаково обязательному и для князей, и для народа, но не вносившему никакого строгаго распорядка въ теченіе дѣлъ. Взаимныя чувства народа и князя опредѣляли все въ ихъ отношеніяхъ, какъ правителей. Любилъ народъ князя, какъ, напримѣръ, кіевляне любили Мономаха или сына его Мстислава,— и никакихъ разногласій не возбуждалось, а былъ князь не по нутру народу въ силу своего поведенія или характера, и тогда столкновенія его съ вѣчемъ бывали часты и не всегда оканчивались благополучно для князя.

У князей былъ свой распорядокъ того, какъ имъ владѣть землей. Князья, потомки Рюрика, «володѣли» русской землей всѣмъ родомъ,

всѣ сообща, и старались, обыкновенно, размѣщаться по городамъ по старшинству. Чѣмъ старше былъ князь, тѣмъ болѣе выгодный и доходный городъ приходилось ему занимать. Умиралъ самый старшій, занимавшій кіевскій столъ, на его мѣсто становился слѣдующій за нимъ по старшинству, и за нимъ такъ, лѣствицей, передвигался по городамъ весь княжескій родъ. Но этотъ порядокъ легко путался. Съ ростомъ княжескаго рода перестали ясно различать, кто старше, кто моложе изъ князей; поднялись нескончаемые споры изъ-за старшинства. Самые города съ теченіемъ времени тоже нарушились въ степени своей доходности; богатый прежде городъ становился беднѣе, и, по обычаю, старшему князю приходилось тогда покидать богатый младшій городъ для бѣднаго старшаго. Все это и создало ту кровавую путаницу, которую принято называть временемъ княжескихъ усобицъ.

Въ это-то смутное время вѣча городовъ и стали рѣшительно высказываться въ пользу тѣхъ князей, какихъ сами хотѣли имѣть, мало считаясь съ запутавшимся княжескимъ обычаемъ занимать города по старшинству. Когда умиралъ князь, горожане собирались на вѣче и сговаривались, кого изъ князей звать къ себѣ, если ближайшій по старшинству былъ не по нраву и если подъ силу было городу не допустить его къ себѣ. Остановившись на какомъ-нибудь извѣстномъ имъ князѣ, горожане посылали сказать ему:

— Поиди, княже, къ намъ! Нашего князя Богъ поялъ, а мы хощемъ тебя, а иного не хощемъ!

Когда князь пріѣзжалъ въ городъ, вѣче цѣловало ему крестъ на вѣрность, а князь цѣловалъ крестъ передъ вѣчемъ въ томъ, чтобы ему «любити народъ и никого же не обидѣти».

Такъ, напримѣръ, рядились кіевляне въ 1146 году съ княземъ Игоремъ, вмѣсто котораго на вѣчѣ присутствовалъ, замѣщая Игоря, его братъ—Святославъ.

— Ныне, княже Святославе,—говорили кіевляне,—цѣлуй намъ хрестъ изъ братомъ своимъ (за брата своего): аще кому насъ будетъ обида, то ты прави!

Святославъ на это отвѣчалъ:

— Язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ насилья никотораго же.

Затѣмъ кіевляне цѣловали крестъ Игорю.

«Заключая «рядъ» съ княземъ, горожане уговаривались, какой доходъ долженъ получать князь съ города, какъ онъ долженъ судить, самъ ли, или чрезъ тіуновъ своихъ, т.-е. особыхъ, княземъ назначенныхъ, судей; уговаривались далѣе о томъ, чтобы князь поручалъ управленіе отдѣльными частями страны мужамъ добрымъ и справедливымъ, и т. п.

По своей формѣ вѣче было непосредственнымъ участіемъ народа въ государственномъ управленіи, а не чрезъ представителей. Участвовать на вѣчѣ имѣлъ право каждый свободный взрослый и матеріально независимый горожанинъ. Но это право никого ни къ чему не обязывало. «Людинъ» могъ пойти на вѣче, а могъ и не пойти, могъ тамъ стоять и молчать, могъ и говорить, отстаивая полюбившееся ему мнѣніе. Созывались вѣча, смотря по надобности: въ одну недѣлю могло быть нѣсколько вѣчевыхъ собраній, а иной разъ и въ цѣлый годъ не созывалось ни одного. Обыкновенно вѣче созывалось по почину городовой старшины или князя. Созывалось вѣче или по звону особаго колокола, или чрезъ герольдовъ — бирючей. Сходилось на вѣче обыкновенно «многое множество народа», и, конечно, такія собранія могли помѣщаться только подъ открытымъ небомъ.

Во всѣхъ городахъ были постоянныя мѣста для вѣчевыхъ собраній, но вѣче могло собираться и на другихъ мѣстахъ, если это почему-либо было удобнѣе. Такъ, въ 1147 году кіевляне собирались на вѣче разъ подъ Угорскимъ, другой—у Туровой божницы, несмотря на то, что у собора св. Софіи было мѣсто, издавна предназначенное для вѣчевыхъ собраній: тамъ были даже подѣланы скамьи, на которыхъ вѣчники могли сидѣть. Случалось и такъ, что горожане, раздѣлившись рѣзко въ мнѣніяхъ, собирали одновременно два вѣча въ разныхъ мѣстахъ.

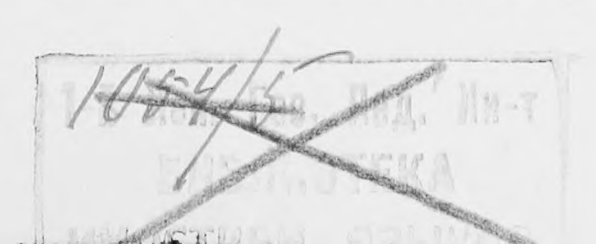
Особаго порядка совѣщаній на вѣче не было. Какъ только соберется народъ и наполнитъ площадь, такъ и начиналось обсужденіе дѣла. Конечно, не всѣ собравшіеся на вѣче въ одинъ голосъ го-

ворили и рѣшали всѣ дѣла; изъ всего «многолюдства» выдѣлялись наиболѣе рѣшительные, смѣлые и лучше понимавшіе дѣло, они-то вели весь разговоръ.

Размѣщались на вѣче люди въ нѣкоторомъ порядкѣ. Въ серединѣ, ближе къ князю и епископу и къ выборной городской старшинѣ — посаднику и тысяцкому — собирались тѣ, кто пользовался бóльшимъ значеніемъ въ городѣ или за свое богатство, или за заслуги, или по преклонному возрасту. Въ этой сравнительно небольшой кучкѣ и сосредоточивалось все обсужденіе дѣла, а толпа присоединялась къ какому-либо одному изъ мнѣній, и тогда оно торжествовало. Бывало, разумѣется, и такъ, что толпа, возмущенная или раздраженная тѣмъ дѣломъ, которое обсуждалось, и пришедшая на вѣче съ заранѣе рѣшеннымъ мнѣніемъ, заставляла «лучшихъ людей» принять то, что она принесла съ собой, быть-можетъ, послѣ долгихъ предварительныхъ разсужденій по дворамъ и горницамъ. При такихъ условіяхъ вѣче становилось иногда слишкомъ шумнымъ и безпорядочнымъ сборищемъ, и тогда «людіе,—по словамъ лѣтописи, —(были) яко взбѣснѣша, яко звѣри дикіи, и рѣчи слышати не хотяху, біяху въ колоколы, кричаху и лаяху...»

При обсужденіи дѣлъ никакого подсчета голосовъ не велось, и требовалось всегда или единогласное рѣшеніе, или такое большинство, которое было бы ясно видно и безъ всякаго подсчета голосовъ. Рѣшеніе вѣча, такимъ образомъ, дѣйствительно, исходило отъ всего города. Единогласіе получалось мирнымъ путемъ, если успѣвали сговориться и поставить на чемъ-нибудь одномъ, но если страсти разгорались, то дѣло рѣшалъ не словесный бой, а кулаки и топоры. Никакихъ записей того, что происходило на вѣчѣ, не велось; что касается до самаго порядка совѣщаній, то онъ былъ изустный и не былъ заключенъ ни въ какія формы. Ни предсѣдателя, ни руководителя преній не было—по крайней мѣрѣ, лѣтопись совершенно не указываетъ на существованіе ихъ. Первый вопросъ предлагался вѣчу обыкновенно тѣмъ, кто его созвалъ, — княземъ, посадникомъ или кѣмъ инымъ, а затѣмъ начиналось самое совѣщаніе. Есть указанія въ лѣтописяхъ, что люди богатые подкупали людей бѣдныхъ для того, чтобы они своимъ говоромъ и крикомъ на вѣчѣ заглушали рѣчи про-

тивниковъ и способствовали проведенію мнѣній тѣхъ, кто подкупалъ ихъ.

Такъ какъ на вѣчевыхъ собраніяхъ не требовалось присутствія опредѣленныхъ лицъ въ опредѣленномъ числѣ, а нужно было только, чтобы присутствующіе были горожане, то составъ вѣча бывалъ очень непостояненъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Сегодня собрались въ такомъ соотношеніи, что большинство высказывается за извѣстную мѣру, а назавтра созвонили вѣче, собрались въ большинствѣ противники принятаго вчера рѣшенія, и вотъ принято вмѣсто вчерашняго рѣшенія—противоположное ему. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда вѣче собиралось однородное, оно настолько зависѣло отъ настроенія духа подвижной массы своихъ членовъ, что очень легко мѣняло свои рѣшенія. Такой порядокъ вещей очень способствовалъ развитію извѣстной партійности въ средѣ горожанъ и создавалъ очень обостренную партійную борьбу.

Кромѣ избранія князя, вѣче, какъ высшее правительственное учрежденіе, какъ правительство само, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ. Но вопросъ о войнѣ и мирѣ рѣшалъ также и князь. Какъ устраивались въ этомъ вопросѣ обѣ власти? Дѣло въ томъ, что князь и вѣче вѣдали войны, такъ сказать, различнаго характера. Если князь велъ войну на свой страхъ и рискъ, то вѣче въ нее не вступалось, если же князь требовалъ помощи горожанъ, то вершителемъ вопроса войны или мира и съ рѣшающимъ голосомъ становилось и вѣче.

Лѣтопись рисуетъ намъ не одну картину взаимоотношеній князя и вѣча на почвѣ вопросовъ войны и мира. Въ 1147 г. шла борьба между старшимъ внукомъ Мономаха, Изяславомъ, и его дядей, младшимъ сыномъ Мономаха, Юріемъ. Старинные противники Мономаховичей, черниговскіе Ольговичи, предложили союзъ Изяславу. «Изяславъ,—разсказываетъ лѣтопись,—созвалъ бояръ своихъ, всю дружину свою и всѣхъ кіевлянъ, т.-е. вѣче, и сказалъ имъ:

— Вотъ я съ братіей моей хотимъ пойти на дядю своего къ Суздалю. Пойдутъ съ нами и Ольговичи.

Кіевляне на это отвѣтили:

— Князь! Не ходи на дядю своего въ союзѣ съ Ольговичами, лучше

уладь съ нимъ дѣло миромъ. Ольговичамъ вѣры не давай и въ одно дѣло съ ними не путайся.

— Они крестъ мнѣ цѣловали,—отвѣчалъ Изяславъ,—и мы сообща порѣшили этотъ походъ; не хочу мѣнять моего рѣшенія, а вы помогите мнѣ.

— Князь,—сказали тогда кіевляне,—ты на насъ не гнѣвайся: не пойдемъ съ тобой—не можемъ поднять руку на Владимірово племя. Вотъ если на Ольговичей, такъ съ дѣтьми пойдемъ.

Тогда Изяславъ рѣшилъ итти одинъ съ дружиной и охотниками, кликнувъ кличъ по нихъ:

— А тотъ добръ, кто по мнѣ пойдетъ!

Воиновъ-охотниковъ собралось много, и Изяславъ двинулся въ походъ. Но кіевляне оказались правы—Ольговичи нарушили крестное цѣлованіе и измѣнили Изяславу. Положеніе, въ которомъ очутился Изяславъ, оказалось крайне опаснымъ. Тогда онъ отправилъ въ Кіевъ двухъ посланцевъ—Добрынку и Радила. Посланцы явились къ намѣстнику Изяслава, его брату Владиміру, и къ кіевскому тысяцкому Лазарю. Посланнымъ своимъ Изяславъ такъ наказывалъ сказать брату своему Владиміру:

— Брате! Ѣди къ митрополиту и съзови кыяны вся, ать молвита си мужа лесть черниговскыхъ князій!

Владиміръ поѣхалъ къ митрополиту и созвалъ — «повабилъ» — кіевское вѣче. И вотъ, повѣствуетъ лѣтопись, «придоша кыянъ много множество народа и сѣдоша у святое Софьи. И рече Володимеръ къ митрополиту:

— Се прислалъ братъ мой два мужа кыянины, ать (т.-е. пусть) молвятъ братьѣ своей.

И выступи Добрынка и Радило и рекоста:

— Цѣловалъ тя братъ, а митрополиту ся поклонялъ, и Лазаря цѣловалъ, и кыяны всѣ.

Рекоша кыяне:

— Молвита, съ чимъ васъ князь прислалъ?

Посланные изложили тогда то, что велѣлъ имъ сказать Изяславъ, и отъ имени князя звали городское ополченіе итти къ Чернигову:

— А нынѣ, братья, поидета по мнѣ къ Чернигову; кто имѣетъ

конь, ли не имѣеть кто, ино въ лодьѣ: ти бо (т.-е. черниговцы) не мене единаго хотѣли убить, но и васъ искоренити.

Такимъ образомъ, требуя помощи горожанъ, князь указываетъ, что теперь походъ не его только личное дѣло, но и дѣло города.

Вѣче зашумѣло:

— Рады, что Богъ избавилъ тебя и братій нашихъ отъ великой напасти. Идемъ по тебѣ и съ дѣтьми, какъ ты того хочешь.

Но тутъ поднялся одинъ человѣкъ и сказалъ:

— Хорошо. Пойдемъ за княземъ, но подумаемъ и вотъ о чемъ. У насъ здѣсь сидитъ у св. Θеодора (т.-е. въ монастырѣ) врагъ нашего князя—Игорь. Помните, какъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ отцы наши вывели не изъ монастыря, а изъ темницы князя Всеслава и посадили его на мѣсто Изяслава Ярославича, и что было, когда вернулся Изяславъ. Какъ бы не случилось и теперь того же. Мы уйдемъ къ Чернигову, а сторонники Игоря призовутъ его и сдѣлаютъ княземъ. Пойдемъ сначала убьемъ Игоря, а потомъ и двинемся къ Чернигову.

Противъ этого предложенія возстали и митрополитъ и тысяцкій Лазарь; говорили противъ же старый тысяцкій Владиміръ и нѣкто Рагуйло. Но толпа не слушала ихъ и пошла убивать Игоря.

Война, начатая съ согласія вѣча, прекращалась, если народъ требовалъ заключенія мира. Въ такихъ случаяхъ вѣче властно говорило князю:

— Мирися или промышляй о себѣ самъ.

Точно такъ же, если князь хотѣлъ мириться противъ воли вѣча, то слышалъ такой отвѣтъ:

— Аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы!

Во время похода князю тоже приходилось считаться съ желаніями горожанъ. Въ 1178 г. князь Всеволодъ не хотѣлъ брать приступомъ городъ Торжокъ. Это возбудило неудовольствіе городского полка:

— Мы не цѣловаться съ ними пріѣхали,—сказалъ полкъ,—они, князь, лгуть Богу и тебѣ!—и городъ былъ взятъ приступомъ».

Такъ сосуществовали въ правительствѣ кіевскихъ временъ два начала — князь и вѣче. Сосуществованіе ихъ покоилось на единеніи

ихъ, на ихъ согласіи, которое создавалось на почвѣ нужды другъ въ другѣ и иногда оформливалось даже договоромъ съ крестнымъ цѣлованіемъ. Права обѣихъ частей правительства были въ сущности одинаковы. Но князь, такъ сказать, существовалъ и проявлялся постоянно, вѣче же созывалось не всегда, дѣйствовало съ перерывами. Въ силу одного этого такія постоянныя дѣла, какъ судъ, управленіе, конечно, должны были болѣе сосредоточиваться въ рукахъ князя, и вѣче почти не вмѣшивалось въ нихъ. Оно требовало отъ князя праваго суда, но жаловаться вѣчу на судъ князя было не въ обычаѣ. Оставаясь постоянно во главѣ текущихъ дѣлъ, князь не былъ избавленъ отъ извѣстнаго контроля своихъ дѣяній со стороны вѣча. Этотъ контроль устанавливался самъ собой въ силу гласности и несложности всѣхъ дѣлъ тогдашняго государственнаго строительства, а затѣмъ онъ обезпечивался участіемъ лучшихъ горожанъ и избранной городской старѣйшины въ постоянномъ совѣтѣ князя, въ его думѣ съ дружиной.

См. *И. Линниченко*, «Вѣче въ кіевской области».

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Карт. 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ— взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великаго, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всероссійской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и ука реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуе какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фавор посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): *„Выходъ императрицы Екатерины II“*, *„Въ лагерь Екатерининскихъ солдатъ“*, *„Дворянское собраніе при Екатеринѣ II“*, *„Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.“*.

Картина (42) *„Вахтпарадъ императора Павла I“* характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), *„Декабристы“*, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46—*„Ученье рекрутъ въ Николаевское время“*.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая *„Городъ Николаевскихъ временъ“*, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина *„Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ“* (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) *„Люди 40-хъ годовъ“*.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Москва.